

• Автор: [Павел Лузин](#)

[Пределы силовых возможностей](#)

В наступающем 2018 году Москва столкнется с необходимостью искать разрешение ключевого противоречия своей военной политики. Военные расходы, находящиеся на уровне подготовки к большой войне, истощают Россию. Seriously снизить их она не может по внутриполитическим соображениям, хотя играть по-крупному российский авторитарный режим тоже (пока?) не готов. При этом политически измотать Запад конфронтацией и созданием проблем все еще не получилось. Поэтому в наступающем году Кремль постарается создать Западу еще больше проблем, но так, чтобы чрезмерно не расходовать свои основные ресурсы, не брать серьезной внешнеполитической ответственности и максимально долго сохранять свободу рук во внешнем мире. В то же время общая неэффективность российской политико-экономической системы при любом раскладе делает дальнейшую самоизоляцию России и развитие полувойенных методов управления наиболее вероятным сценарием.

Потолок финансирования

К 2017 году Москва достигла пределов в своих военных расходах: в 2016 году она [потратила](#) на эти цели 5,67 трлн рублей (\$84,6 млрд по среднегодовому курсу) или 6,59% своего ВВП. Здесь важно, что

суммарные оборонные расходы России надо считать по двум статьям федерального бюджета — «Национальная оборона» (3,77 трлн руб./ \$56,3 млрд) и «Национальная безопасность и правоохранительная деятельность» (1,9 трлн руб./ \$28,3 млрд). При этом 800 млрд рублей по статье «Национальная оборона» было выделено непосредственно на погашение кредитов российских оборонных компаний перед банками.

Хитрость в том, что российская [военная доктрина](#) и [стратегия национальной безопасности](#) фактически приравнивают внешние и внутренние угрозы. И даже, например, в военных учениях «Запад-2017» принимали участие не только соединения вооруженных сил, но также [подразделения](#) Росгвардии, ФСБ, МЧС и МВД. То есть все российские силовики так или иначе вписаны в систему военного планирования — причем как внутреннего, так и внешнего. Отсюда и необходимость суммировать ассигнования, выделяемые на все эти ведомства.

Однако в целом уровень 2016 года можно считать aberrацией, связанной с крайней неэффективностью российской военной промышленности. И нет ничего удивительного, что по итогам 2017 года российские оборонные расходы, похоже, удалось снизить до примерно 5 трлн рублей. Из этих средств около 3 трлн выделено по статье «Национальная оборона» и почти 2 трлн — по статье «Национальная безопасность и правоохранительная деятельность». На 2018 год эти лимиты в целом [сохраняются](#) (с учетом засекреченных расходов): [2,8 трлн](#). получит российская армия, из них половину она потратит на закупки вооружений, и примерно 2 трлн будут распределены между остальными силовиками.

Кремль стремится поддерживать свои военные расходы на уровне 1/3 федерального бюджета. При этом расходы на текущее содержание военнослужащих и силовиков (4 млн человек) нельзя снизить без серьезных кадровых сокращений, на что российская власть не пойдет в силу инстинкта самосохранения. Но и траты на разработку и закупку вооружений тоже нельзя снизить, потому что пострадает другая опора авторитарного режима — военная промышленность (2 млн человек).

Конфронтация с Западом, неясные перспективы российского оружейного экспорта и новые американские санкции против оборонных компаний загоняют Москву в тупик. Пока она может позволить себе военные траты на уровне свыше 5,5% ВВП, но это лишь усугубляет тот экономический тупик, в котором она находится. Более того, уровень военных расходов свыше 5% ВВП демонстрировали [США](#) и [Великобритания](#) в эпоху холодной войны в 1950-1980-е гг. Правда, американские военные расходы вновь превысили 5% ВВП в 2009-2011 гг., когда Соединенным Штатам пришлось прилагать дополнительные усилия в Ираке и Афганистане. Однако даже они, имея за плечами столетия накопления капитала, чем Россия явно не может похвастаться, вынуждены были при первой возможности снизить эту долю. То есть нынешний уровень военных расходов наносит ущерб экономическому развитию России и обрекает ее на дальнейшее отставание от развитых стран.

В этой ситуации станут закономерными попытки Кремля политической волей, но без каких-либо институциональных перемен заставить военно-промышленные компании быть эффективными и производить конкурентоспособную продукцию. Такие голоса уже раздаются, например, в адрес [государственной корпорации «Роскосмос»](#), которая тоже является частью российской военной индустрии. На практике это с большей вероятностью выльется в новые изоляционистские меры и/или очередные преференции военным промышленникам в ущерб интересам остальных россиян и тем более бизнеса.

Военные авантюры нон-стоп

На этом фоне Россия продолжает свои военные кампании в Сирии и Украине. Несмотря на то, что последнее серьезное обострение на Донбассе произошло прошлой зимой (если не считать свержения Плотницкого с должности номинального лидера «ЛНР» в ноябре 2017 года), война там вовсе не завершена. При этом Россия летом 2017 года сделала все, чтобы на дипломатическом уровне похоронить идею появления миротворцев ООН в этом регионе.

Очевидно, что и в 2018 году Кремль не собирается никуда из Украины уходить, поскольку никакая из первоначальных целей этой войны не была достигнута. Крым не признан российским, и Москва так и не смогла получить «ключи» от независимости Украины и ее государственности. Договориться с Западом о

приемлемых для российской правящей группы условиях сосуществования также не удалось. Однако Кремль не отказался от цели рано или поздно заполучить Украину себе — это на риторическом уровне было еще раз [продемонстрировано](#) Путиным в ходе его пресс-конференции в декабре 2017 года.

Другое дело — Сирия. Под конец года в очередной раз был объявлен вывод российских войск оттуда, за исключением баз Хмеймим и Тартус. На первый взгляд, момент выбран удачный — разгром основных сил ИГ. Правда, никакого политического и тем более экономического проекта для Сирии у Москвы нет. Без этого конвертировать участие в сирийской войне в устойчивое влияние в регионе у нее не получится. Заключить «большую сделку» с Западом, что было основной целью Кремля, тоже не вышло.

Попытки Кремля сыграть роль миротворца и организовать проведение в Сочи Конгресса национального диалога Сирии пока не удаются. В итоге конгресс [был отложен](#) на 2018 год. Учитывая тот факт, что российская власть сама вообще не верит в равноправный диалог — она верит в жесткий торг и навязывание своей воли — несложно понять наиболее вероятное развитие событий. Даже если этот конгресс удастся созвать, никакого мира под эгидой Москвы не выйдет. Позиции России остаются относительно сильными, только пока продолжается война.

Только сейчас Москва постарается действовать по возможности «ниже радаров». Важно понимать: в течение 2017 года она продолжила [нести серьезные потери](#), включая 2 (один тяжело ранен, другой погиб) из 11 своих [боевых генералов](#), а российские подразделения [попадали](#) в окружение. В этих условиях риск деморализации российских военных растет. В то же время ресурс наемников, вероятные высокие [потери которых](#) не создают резонанса в российском обществе, пока остается доступным. Этот ресурс позволяет сохранять относительное влияние на Башара Асада и дальше участвовать в сирийском конфликте с целью если и не добиться успеха, то гарантированно помешать успеху кого бы то ни было еще.

Параллельно Кремль все больше присматривается к затяжным конфликтам в [Ливии](#) и [Судане](#). И здесь важно, что в начале 2018 года он [собирается заключить](#) с Египтом соглашение об использовании российской военной авиацией аэродромов этой страны. Понятно, что целью Москвы в возможных очередных военных авантюрах будет создание политических и гуманитарных проблем для Запада в южном Средиземноморье. Смысл такого подхода в том, чтобы проверить на прочность европейское и трансатлантическое единство и по возможности нанести этому единству ущерб. Главное здесь — измотать Запад проблемами и одновременно постоянно предлагать решения этих проблем, в центре которых — экономические и властные интересы российской правящей группы.

В итоге получается, что в 2018 году политика российского режима в военной сфере, обусловленная логикой его существования, будет направлена на экономию сил. Судя по всему, Москва очень хорошо понимает, что серьезно втянуться в любой возможный конфликт она сможет только один раз и потому должна действовать наверняка. В этом ключе дальнейшая самоизоляция и расширение преференций для военных, силовиков и военной промышленности со всеми вытекающими внутривластными последствиями представляются здесь наиболее закономерной тенденцией.

теги

[military](#)

[syria](#)

категории

[Security](#)

Использование материалов интернет-издания "Intersection" путем их полного воспроизведения разрешается только с разрешения редакции Intersection - intersection@intersectionproject.eu